

Русский телеграф, — 1998. — 12 марта.

Шапки долой, господа

с. 10

Дебют Дмитрия Лисса с оркестром Юрия Темирканова

Гия Канчели. Симфония №6.
П.И.Чайковский. Симфония №6.
Заслуженный коллектив республи-
ки Академический симфониче-
ский оркестр Санкт-Петербур-
гской филармонии. Петербург,
Большой зал Филармонии.

Две Шестые симфонии смогли бы сильно напрячь память филармонического завсегдатая, если бы он пустился вспоминать все более-менее известные ему более-менее романтические Шестые: Шуберта, Брукнера, Малера. Возможно, Шостаковича. Шестая Гия Канчели, как и другие его опусы, заставляет думать, будто автор сперва написал много больше, а потом оставил в нотах минимум возможных событий, выловив их оттуда одно за другим. Ясно, что это не так.

Ясно также, что автор прекрасный психолог. Пациенту предьявляются фигуры — проще некуда. Они действуют безотказно. Конечно, при условии, что у пациента достанет терпения продираться сквозь глубокие паузы и удивляться поворотам сюжета и контрастам, не очень озадачиваясь, «из какого сора» выращено все это. Благородная прополка — лишь метафора, отрицающая претензии скупца: приобрета билет, он ждет, чтобы за его деньги ему выдали событий не скупясь, как учил Теккерей. Иллюзион длиной в сорок минут требует не только благоговейного внимания зала, но и пиетета исполнителей. Здесь задача для дирижера из технической превращается в душевную. Прожить такое количество сценического времени молча... А время это безусловно сценическое, а не только чисто музыкальное, так как реакция зала прилагается к партитуре. Местами происходящее приближается к коллективной медитации, направляемой отдельными звуками из оркестра. Что же делать дирижеру — уподобить симфонию храмовым колокольцам или попытаться замкнуть целое до «опуса»?

Дмитрий Лисс (1960) — ученик Дмитрия Китаенко, один из лучших дирижеров молодого поколения. С 1995 года руководит Уральским академическим симфоническим оркестром в Екатеринбурге, много гастролирует, неоднократно выступал с Российским национальным оркестром Михаила Плетнева и другими известными оркестрами. Концерт в Большом зале Петербургской филармонии был его первым выступлением с Заслуженным коллективом республики, бывшим оркестром Евгения Мравинского, ныне — оркестром Юрия Темирканова

АЛЕКСЕЙ СИДОРОВ

Не размениваясь на последние вопросы, Дмитрий Лисс занял позицию скромного труженика. Играем что написано! Нарочитая простота оркестрового письма и в forte, и в piano есть палка о двух эстетических концах: если громко — в аннотации напишут «брутально», а то и «силы зла»; если тихо — возникнет утонченность безыскусности, тогда это будет «народность/духовность». Лисс добился от оркестра и надлежащих дуновений, и положенных обвалов, отчего аннотация оказалась правдивой. Симфония Канчели отлично легла на Заслуженный коллектив. Только фрагменты особо хрупкой игры потеряли в зале Филармонии гипнотизм. Скрипят ветхими половицами, кашляют, шуршат буклетами (читают, значит, про что музыка). Форма Симфонии открытая, а вот зал требуется абсолютно герметичный.

Гия Александрович Канчели весь обращен в прошлое. В паузах слушатель предоставлен самому себе, его приглашают к воспоминаниям посредством ностальгических мотивов. Пусть вспомнит — что он еще слушал про жизнь и смерть? Как раз другую Шестую симфонию отчетного концерта. Исповедь Петра Ильича Чайковского обладает опасным свойством. Если маэстро недостаточно богат как личность, от губельных симфонических страстей остаются репродукции, популярные картины. Только очутился по ту сторону душевного ценза — новая забота: музыка приоткрывает черты дирижера, но в трагикомическом увеличении. Натуральное ню.

Потому — шапки долой, господа. Перед вами Дмитрий Лисс в полный

рост. Он провел Патетическую (а по Лиссу, Сумеречную) симфонию с абсолютной властью над оркестром и аудиторией, властвовать нимало не тщась. Сквозь частное художественное помешательство с нами глухо говорила вечность. Тембры вечности: стоны контрабасов, оскал низких духовых, зубовой скрежет тромбона, посвист флейты-пикколо, вой скрипок. Каждый аккорд был разорван тембровыми модуляциями. Он обращался в отдельный сюжет, сплетение микрособытий. Музыкальное время обрело такую плотность, какая во время автора музыке как искусству еще не была известна. У Лисса — ухо опытного исполнителя современной музыки и чрезвычайно понятные оркестрантам руки, дотошность аналитика и запас вдохновения для концертного синтеза. В антракте, отслушав Канчели, я подошел к знакомому струннику за свидетельством о репетиционной работе Лисса. «Ужасно скучно! — поведал он. — Ковыряется в каждом такте, зануда. Но посмотрим, что сейчас будет».

Как было — смотри выше. Пламенный текстолог обрек публику мучительно медленным темпам. Только Скерцо торопливо задыхалось. Современники П.И. думали, что это «хорошая» музыка, апофеоз. Позднейшие музыковеды усмотрели там полную infernalность и сезон в аду. Дмитрий Лисс, звезда первой величины, со всей мощью предьявил соседство Шестой симфонии и «Щелкунчика». Мыши входят в силу, отменяют положительный финал и жестоко берут реванш у прекраснодушной Мари.

БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ